

Александр Амфитеатров

Заря русской женщины

Александр Валентинович Амфитеатров

Заря русской женщины (Женское нестроение #11)

«Буря, гремящая надъ нашимъ отечествомъ, поставила на очередь политическаго выполненія одну изъ величайшихъ соціальныхъ реформъ, – если не самую великую, – какими свидѣтельствуется государственная возможность и готовность «отречься отъ стараго міра», оторваться отъ одряхлѣвшихъ устоевъ буржуазно-полицейскаго уклада для перемѣщенія на новые устои строя соціалистическаго. Русская революція четвертаго сословія рѣшительно выдвинула впередъ вопросъ о, такъ сказать, пятомъ сословіи, присущемъ неизмѣнно всѣмъ странамъ и государствамъ, каждому граду и каждой вѣси, – вопросъ о женщинѣ, женскій вопросъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Заря русской женщины**

Вступительное чтение въ Русской Школѣ социальныхъ наукъ въ Парижѣ.

Дорогі Товарищи!

Буря, гремящая надъ нашимъ отечествомъ, поставила на очередь политическаго выполненія одну изъ величайшихъ соціальныхъ реформъ, – если не самую великую, – какими свидѣтельствуется государственная возможность и готовность «отречься отъ стараго міра», оторваться отъ одряхлѣвшихъ устоевъ буржуазно-полицейскаго уклада для перемѣщенія на новые устои строя соціалистическаго. Русская революція четвертаго сословія рѣшительно выдвинула впередъ вопросъ о, такъ сказать, пятомъ сословіи, присущемъ неизмѣнно всѣмъ странамъ и государствамъ, каждому граду и каждой веси, – вопросъ о женщинѣ, женскій вопросъ. Отвѣтъ на него русской революціи, – а кто же изъ насъ сомнѣвается, что устами ея гласить предвидѣніе ближайшаго русскаго будущаго? – отличается яркою и дружною опредѣленностію. Въ защиту и признаніе равноправія женщины – равноправія политическаго, юридическаго, рабочаго, образовательнаго, семейнаго – высказались всѣ группы, всѣ программы русскаго освободитель-

наго подъема. Не говоря уже о партіяхъ соціалистической революціи, въ которой равноправіе женщинъ подразумѣвается само собою, потому что безъ такого равноправія она была бы лицемѣрна, бессмысленна и неосуществима, — не говоря уже о соціалистическихъ партіяхъ, мы видимъ, что необходимости равноправія жевщины, хотя бы лишь избирательнаго, подчинился даже буржуазный конституціонализмъ, выражаемый въ Россіи извѣстною кадетскою партіей. Правда, подчинился съ грѣхомъ пополамъ, съ кислымъ лицомъ и скрѣпя сердце. Но дѣло не въ удовольствіи или неудовольствіи гг. кадетовъ, а въ томъ, что логика вѣка заставила придти къ сознанію правоты и неизбѣжности женскаго равенства даже такую, сравнительно правую, доктринерски-буржуазную группу русскаго общества. Двадцатый вѣкъ — вѣкъ женскаго возрожденія: я думаю — не только въ Россіи, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Онъ началъ жизнь сознаніемъ, что безъ женскаго равноправія немислимы болѣе ни свобода, ни благосостояніе государствъ, ни самозащита гражданства отъ пестрыхъ сред-

ствъ и поползновеній политической и капиталистической тиранніи, – немыслимъ тотъ соціалистическій перестрой міра, совершить который – его, XX вѣка, историческая задача. Побѣда соціализма заключаетъ въ себѣ побѣду женскаго равноправія, какъ часть, неотдѣлимую отъ цѣлаго. Я убѣжденъ, что не только дѣтямъ нашимъ, но и намъ еще удастся застать хоть начальные моменты этой великой, святой побѣды, которая искупитъ многовѣковое порабощеніе пола поломъ и сотретъ съ лица земли, по удачному выраженію Куртиса, – «последнюю изъ кастъ».

Въ канунъ такой женской побѣды, не лишнее оглянуться на прошлое великой половой войны, которую она заключаетъ. Выяснить источники и средства, которыми женская побѣда исторически подготовилась и создается, а, слѣдовательно, и тѣ начала, которыми предстоитъ ей укрѣпиться въ обществѣ будущаго. Съ этою задачею и предпринимаю я свой небольшой курсъ, предлагаемый слушателямъ Парижской Русской Школы соціальныхъ наукъ.

Обыкновенно, начиная исторію того или

другого русскаго института, или бытового или правового, сословія ли, рода ли, изслѣдователь, съ невольною жалобностью, предупреждаетъ слушателей или читателей о бѣдности данныхъ для изображенія утренней зари поднятыхъ вопросовъ и для научнаго о ней сужденія. Не избѣгаетъ подобной участи и исторія русской женщины. Прямыхъ литературныхъ источниковъ объ ея первобытно-мъ положеніи такъ мало, они такъ сбивчивы и неопредѣленны, такъ недостойны историческаго довѣрія, что съ ними почти вовсе нельзя считаться, какъ съ фактическимъ матеріаломъ. Даже въ самыхъ лучшихъ случаяхъ, эти источники, — Несторъ, Русская Правда, церковная литература первыхъ трехъ вѣковъ русскаго христіанства, договоры и завѣщанія удѣльныхъ князей, пожалуй, даже упомянемъ сомнительное «Слово о полку Игоревѣ», — представляютъ собою не болѣе, какъ колодцы болѣе или менѣе подходящихъ подтвержденій для политической, бытовой и правовой экзегезы. Они вѣроятны лишь постольку, поскольку оправдываются совпаденіями и аналогіями въ жизни,

лѣтописяхъ и юридическихъ памятникахъ другихъ славянскихъ народовъ. Поэтому, введеніемъ и первою главою въ исторіи русской женщины долженъ быть рассказъ и анализъ ея положенія въ славянствѣ вообще, а не въ той лишь узкой Руси, которая нашла свою дикую, хаотическую государственность въ смѣшеніи славянъ съ скандинавами, пруссами или какими-то таинственными южными кочевниками: каждый можетъ выбрать здѣсь ту теорію происхожденія Руси, которая ему больше по душѣ, — нашей темъ оно сейчасъ совершенно безразлично. Единственный важный для насъ моментъ этой первобытно-государственной Руси — принятіе ею христіанства и, при томъ, христіанства восточнаго, византійскаго. Оно наложило свою тяжелую руку на бытъ славянской женщины съ первыхъ же своихъ шаговъ. Уже «Русская Правда» дышетъ византійскими вѣяніями, а, двѣсти лѣтъ спустя, византійство торжествуетъ по всему фронту русскаго женскаго вопроса, и Даніиль Заточникъ ищетъ милости у благочестиваго «князя и господина» ругательствами, проклятіями и сатирическими прибаут-

ками по адресу женщинъ – въ духъ истинно-византійскаго полемическаго краснорѣчія, воспитаннаго на папертяхъ бродячимъ монашествомъ эпохи Соборовъ. Но объ этой эволюціи мы будемъ говорить особо и послѣ.

Интересъ изученія древности славянства значительно поднимается надъ уровнемъ большинства однородныхъ изученій тѣмъ условіемъ, что, кажется, ни въ одной расѣ, какъ въ этой – младшей среди арійскаго племени по выступленію на историческую арену Европы – государственность, хотя бы и самая первобытная, не сѣла болѣе внезапно и на болѣе неподготовленную для нея почву. Опять-таки, дѣло для насъ не въ томъ, были ли призваны какіе-то варяги, и, если да, то кѣмъ, когда, зачѣмъ, откуда. Дѣло въ томъ, что мы застаемъ историческую Русь, уже съ XIV вѣка, въ борьбѣ родового уклада съ государственнымъ началомъ и церковнымъ правиломъ. И, хотя послѣднимъ суждено къ XIV вѣку побѣдить, а первому пойти на послѣдовательное умертвіе, тѣмъ не менѣе уже его невѣроятно долгая жизнеспособность доказываетъ, что государственность застигла

предъисторическіе родовые славянскіе обычаи не заживо согнившими трупами какими-то, а, напротивъ, силами еще здоровыми, свѣжими и даже, можетъ быть, молодыми,

Знаменитый Мэнъ установилъ, – вѣрнѣе сказать, усовершенствовалъ послѣ Моргана, – характеристику рода бракомъ – эндогаміей и экзогаміей, т. е. бракомъ, заключаемымъ обязательно въ нѣдрахъ рода или, наоборотъ, бракомъ, заключаемымъ обязательно въ чужомъ родѣ. Второй способъ брака, экзогамія, представляетъ, съ точки зрѣнія общественной эволюціи, уже довольно крупную прогрессивную ступень. Былинную и лѣтописную Русь мы застаемъ именно на ступени экзогамическаго брака, получившаго свое развитіе, повидимому, задолго до христіанства, которое приняло его подъ свое покровительство и реформировало по своимъ уставамъ. Между обществами эндогамическими и экзогамическими шла лютая вражда. Типическій представитель старинной эндогаміи, стихійный богатырь Соловей Разбойникъ, хвастаетъ новому богатырю, Ильѣ Муромцу:

«Я дочь вырощу, за сына замужъ
отдамъ,
Я сына вырощу, на дочери женю,
Чтобъ Соловейкинъ родъ не пере-
водился»...

Разсердился Илья Муромецъ на грѣшную похвальбу Соловья и убилъ его до смерти. У Нестора мы почти уже не застаемъ славянъ въ періодѣ чистоэндогамическомъ. Напротивъ, даже въ самыхъ дикихъ племенахъ онъ отмѣчаетъ обычай заключать браки чрезъ умыканіе, т. е. похищеніе невѣстъ: порядокъ экзогамическій. Но, наряду съ этимъ, онъ жалуется, что внутри новой славянской семьи живутъ еще пережитки древняго кровосмѣсительнаго строя, во вкусѣ Соловья Разбойника. Тысячу лѣтъ тому назадъ, въ славянствѣ уже свирѣпствовалъ столь частый порокъ русской крестьянской семьи – пресловутое «снохачество». Суровыя средневѣковыя легенды и романы о кровосмѣситель – церковнаго происхожденія, результаты борьбы съ эндогамическими отношеніями, которыя въ глухихъ углахъ Вятской или Пермской губерніи сохранились даже до XIX вѣка. До-

статочно вспомнить «Подлиповцевъ» Ө. М. Рѣшетникова.

Ни чей фольклоръ, какъ славянскій, не сохранилъ болѣе свѣжимъ преданіемъ той до- исторической эпохи, когда разница половъ опредѣлялась только суммою физическихъ внѣшнихъ признаковъ. Борьба за существованіе, среди суровой первобытной природы, либо сближала мужчину и женщи- ну въ любовное товарищество двухъ равно- сильныхъ добычниковъ, либо, наоборотъ, со- пернически ожесточала къ лютымъ боямъ. Если мы вчитаемся въ греческія легенды о происхожденіи скиѳскихъ народовъ или въ былинный эпосъ любого славянскаго пле- ни, мы всюду застаемъ женщину въ борьбѣ съ мужчиною за превосходство, — вровень съ нимъ и весьма часто съ преобладаніемъ надъ нимъ. Одинъ изъ изслѣдователей русской старины совершенно справедливо отмѣчаетъ, что первобытный славянскій бракъ черезъ умыканье заключался не только черезъ похищеніе женщинъ мужчинами, но и жен- щинами мужчинъ. По Геродоту, скиѳы про- изошли отъ вынужденнаго сожителства Гер-

кулеса съ Ехидною, женщиною-змѣю, похитившею у него коней и назначившею такой любовный выкупъ. На курганахъ южнорусскихъ и сибирскихъ степей высятся сѣрыми громадами человѣкообразныя глыбы каменныхъ бабъ. Это монументы свидѣтельница и, какъ думаетъ Флоринскій, вдохновительница первобытнаго искусства въ ту доисторическую эпоху, когда по степямъ этимъ «шатались»; подобно «сѣннымъ копнамъ», богатыри, «паленицы удалыя». Наѣздничая удалѣ всякаго мужчины, онѣ, по былинной гиперболѣ, – хватали богатырей «за желты кудри, опускали во глубокъ карманъ», чтобы разсмыслить на досугѣ – «то-ли молодца смертью убить, то-ли за молодца замужъ пойти». Чѣмъ чище кровью славянскій народъ, тѣмъ богаче его легенда о старинномъ женскомъ богатырствѣ, о временахъ женскихъ царствъ, городовъ, княженій. Это – Ванда у поляковъ, Любуша и Власта – у чеховъ, полуисторическая Ольга – у русскихъ славянъ, совсѣмъ уже историческія Елена и Рикса – у поляковъ. По всѣмъ славянскимъ землямъ разсѣяны урочища съ названіями, въ родѣ Дѣвій городъ,

Дѣвинъ, Бабье городище и т. д. Какъ показали археологическія изслѣдованія, они гораздо древнѣе печальной возможности получить подобныя названія отъ невольничьихъ торговъ или стоянокъ татарскаго полона. Волшебныя сказки русскаго народа полни памятью женскихъ богатырскихъ городовъ, замковъ, крѣпостей, которыми владѣетъ какая-нибудь Царь-Дѣвица, Елена Прекрасная, Сонька Боготворка, и въ которые, пока она бодрствуетъ, не дерзаетъ проникнуть самый мужественный витязь, потому что – убьетъ богатырша, оберегая свою дѣвственную свободу. Всѣ эти амазонки, покуда дѣвушки, сильнѣе и грознѣе мужчинъ. Сила и воинственность теряются ими только въ замужествѣ. Все это, если снять съ основы легендъ волшебную призрачность сказочныхъ размѣровъ, если роскошные города обратить въ лѣсныя деревни, а дворцы въ шалаши, свидѣтельствуется, что славянскій эпосъ не успѣлъ забыть той общественной раздѣльности половъ, которую, въ пережиткахъ, путешественники наблюдаютъ еще въ нѣкоторыхъ поселкахъ Австраліи или центральной Африки.

Покореніе властной женщины-богатырки грубою силою или, чаще, хитростью мужчины открываетъ эру ея семейнаго порабощенія. Первое орудіе послѣдняго — отнятіе у женщины права носить оружіе, воспрещеніе физическихъ упражненій, развивающихъ воинственную готовность и ловкость. Въ одной изъ русскихъ былинъ, богатырь-Дунай убиваетъ жену за то, что она лучше его стрѣляетъ изъ лука. Въ польской легендѣ — мужчины, избирая новаго князя по условію — кто первый переплыветъ озеро Гопло, отстранили отъ состязанія женщинъ, опасаясь ихъ соперничества. Мечъ и плетка — орудія воинственнаго кочевья — монополизируются мужскимъ поломъ; на долю женщинъ выдвигается Schusselgewalt, право ключей, право домашняго управительства въ осѣдломъ мирномъ быту. У народовъ германскихъ, — нѣсколько старшихъ культурою сосѣдей славянъ по европейскому разселенію, — эта борьба съ женскою воинственностью успѣла вырѣть не только въ обычаѣ, но и въ нормахъ права. Такъ лонгобардскій законъ оцѣниваетъ

преступленія противъ женщинъ пенею вдвое выше, чѣмъ преступленія противъ мужчинъ, но лишь въ томъ случаѣ; если женщина не могла защищаться и, вообще, вела себя, какъ существо слабаго и робкаго пола. Наоборотъ, убійство женщины, хотя бы случайно попавшей въ драку между мужчинами, оцѣнивалось, какъ обыкновенное убійство. Законъ баварскій предоставлялъ женщинѣ право судебного поединка, но, если она выставляла бойца-замѣстителя, то, въ случаѣ побѣды, получала двойную композицію, а, если дралась сама за себя, то лишь ординарную. Впослѣдствіи ухищренія разобщить женщину съ оружіемъ и обратить изъ воительницы въ ключницу выразились, какъ пережитокъ, въ средневѣковыхъ запретахъ женщинамъ одѣваться въ мужское платье, за что полагались тяжелыя пени, а иногда даже смертная казнь. У датчанъ это было поводомъ къ разводу.

Славянская борьба съ первобытною женскою свободою и самостоятельностью не успѣла догнать германскаго запретительнаго обычая, почему не отразила его и въ правѣ.

Славянство было почти совершенно чуждо того элемента «половой опеки», который легъ въ корень женскаго права германскихъ народовъ и породилъ въ нихъ пресловутое «рыцарство» съ тѣмъ фальшивымъ идеаломъ «женственности», что и посейчасъ оплакивается всѣми ромаатиками-реакціонерами. И какъ жутко приходится расплачиваться за уклоненіе отъ него передовымъ женщинамъ, ищущимъ живого общаго дѣла и свободы! Средневѣковый статутъ города Офена опредѣляетъ женщину, какъ «тварь робкую и слабую, которая, поэтому, должна быть охраняема и защищаема». Извѣстно опредѣленіе половой опеки Вальтеромъ, какъ «власти надъ женщинами въ отношеніи ко всему, что касается собственнаго блага самой женщины, а также чести и интересовъ цѣлаго семейства». Опредѣленіе весьма полное, и было бы безспорно, если бы прибавить: «при воспрещеніи женщинѣ опредѣлять самой, въ чемъ почитаетъ она это собственное благо». Такого выбора женщина не имѣла за всѣ тысячу слишкомъ лѣтъ исторической жизни германскаго племени, и только грядущій

соціалістическій строй способень возвра-
тити ей первобытное, съ доисторической
ночи потерянное, право. Славянство
встрѣтилось съ христіанскою проповѣдью и
законодательствами – изъ Рима и Византіи –
въ такомъ бытовомъ періодѣ, когда не могло
быть и рѣчи о «половой опекаѣ». Полу, кото-
рый назвался, а въ послѣдствіи и
дѣйствительно сталъ «сильнымъ», не было не
только никакой надобности, но даже и поло-
жительно вреднымъ оказалось видѣть въ
женщинѣ, хотя бы уже и подчиненной брач-
но, «поль слабый». Отмѣтимъ, что даже при
Иванѣ Грозномъ населеніе Руси равнялось
полутора милліонамъ жителей, и густота
разселенія была менѣе, чѣмъ нынѣ въ Архан-
гельской губерніи. Половая опека германцевъ
выработана каменнымъ замкомъ въ горномъ
ущельѣ и городомъ, который вырастаетъ
подъ охраною замка. Славянство же
встрѣтилось съ христіанствомъ отнюдь не въ
городской формѣ разселенія: это – еще жизнь
лѣсного или степного хутора, избыное скват-
терство на родовыхъ началахъ. Въ опасно-
стяхъ и приключеніяхъ этого рода, первобыт-

ный славянинъ искалъ въ женѣ существо — умиротворенное для домашней жизни, но совсѣмъ не «слабое, робкое, долженствующее быть защищаемымъ». Знаменитый славянофиль Константинъ Аксаковъ когда-то обратилъ вниманіе на слово «супротивница», которымъ ласкательно и уважительно характеризуютъ былинные богатыри своихъ невѣсть и женъ. Супротивница здѣсь значитъ не то, какъ теперь почитаютъ: «которая мнѣ перечить, противъ моей воли идетъ», но — «ровна мнѣ, способная выстоять противъ меня въ моемъ подвигѣ, въ моей работѣ». Это были вѣка, когда расчищались лѣсныя чащи и выкорчевывались первые участки подъ будущее общинное земледѣліе, когда шелъ рукопашный бой со звѣремъ и съ человѣкомъ чужого рода-племени за право мирнаго сосѣдскаго существованія. Естественно, что въ такой тяжкій рабочій и опасный бытъ женщина нужна, именно, какъ «супротивница» мужчинѣ, а не какъ чувствительная Эльза изъ «Лоэнгрина», за которою половая опека представляетъ семь нянекъ и семь сторожей — блюсти ея лилейную беспомощность. Жена

Ильи Муромца одѣвается въ его доспѣхи, чтобы биться съ Тугариномъ, за отсутствующаго мужа. И «бѣжалъ Тугаринъ въ свои улусы загорскіе, проклинаячи Илью Муромца, а богатырь Илья Муромецъ знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ, кто за него бился съ Тугариномъ». Это физическое равенство женщины съ мужчиною ползеть черезъ много славянскихъ вѣковъ, всплывая то фигурами былинными, то лѣтописными, то пѣсенными изъ позднѣйшаго новгородскаго эпоса и разбойничьей лирики. Когда ушкуйникъ, а по слѣдамъ его, піонеръ съ топоромъ и сохою двинулись отъ Ильменя и Ладожскаго озера на дальній сѣверъ и волжскій востокъ, туда передвинулся и богатырскій типъ женщины-добычницы, «супротивницы» своему мужу. Для западной Руси онъ сдѣлался уже излишнимъ въ развивающемся городскомъ быту. Тѣмъ не менѣе, не только въ новгородскомъ эпосѣ о Васькѣ Буслаевѣ, но даже и въ лѣтописяхъ новгородскихъ встрѣчаемъ мы женщинъ, предводительствующихъ уличными смутами, которыми былъ такъ учащено богатъ этотъ странный городъ, съ его безала-

бернымъ народоправствомъ. Поволжье полно преданіями объ участи «могутныхъ» воинственныхъ женщинъ въ колонизаціи края: достаточно напомнить, хотя бы, легенду объ Усольѣ подъ Казанью. На Мурманѣ поморки до сихъ поръ сохранили отзвуки самостоятельности, столь свойственной доисторическимъ прабабкамъ ихъ. Море и климатъ не измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ славянка впервые увидала предъ собою волны Ледовитаго океана, слѣдовательно, почти не измѣнилась потребность дружной работы обоихъ половъ въ обезпеченіе тяжкаго существованія, почти не измѣнилась первобытная трудность для мужчины-побѣдителя обратить побѣжденную женщину въ слабосильную игрушку, въ предметъ семейной роскоши, почти не измѣнились отношенія женско-мужского равенства. Поморка, какъ мужчина, работаетъ, какъ мужчина, получаетъ за трудъ, какъ мужчина, пьетъ водку и, какъ мужчина, горланить на сходкѣ.

Итакъ мы исторически застанемъ славянскую женщину въ первомъ періодѣ побѣды сильнаго пола надъ слабымъ, — когда побѣда

эта еще не порабощеніе, но лишь капитуляція по договору – на условія мужской гегемоніи. Женщина согласилась стать вторымъ номеромъ, но отнюдь не отказалась отъ самостоятельности, – нѣтъ лишенія правъ, нѣтъ ухода въ «половую опеку». Старинныя славянскія «правды» и статуты суть памятники той послѣдовательной борьбы, какъ вяли обычныя начала женской свободы подъ дыханіемъ византійскаго монастыря и римскаго права, прошедшаго къ славянамъ черезъ сосѣдскіе германскіе фильтры. Но было бы ошибочно предполагать, что правовой обычай уступилъ легко и скоро. Нѣтъ, онъ былъ крѣпокъ одинаково и въ добрѣ, и во злѣ для женщины. Вы, конечно, всѣ слышали о древнемъ брачномъ обычаѣ славянъ, чтобы молодая снимала съ мужа сапоги въ знакъ будущей покорности. Обычай этотъ, почти повсемѣстный въ славянствѣ, знаменитъ, благодаря романическому преданію о Владимірѣ и Рогнѣдѣ, которая не захотѣла «разуть робичича». Но, быть можетъ, нигдѣ онъ не выразителенъ такъ для старославянскаго брака, какъ у славонцевъ. У нихъ моло-

дая снимаетъ съ мужа сапогъ въ знакъ покорности, но затѣмъ бьетъ снятымъ сапогомъ мужа по головѣ – знакъ, что не воображай, будто я всегда тебѣ буду прислуживать. Печать такой договорности лежитъ, въ теченіе среднихъ вѣковъ, на славянскомъ правѣ во всѣхъ его статьяхъ по женскому вопросу. И, опять-таки, чѣмъ чище славянство народа, тѣмъ уступчивѣе его средневѣковое право по отношенію къ женщинѣ. На первомъ планѣ остаются поляки, далѣе – чехи. У нихъ, даже въ памятникахъ XIV и XV вѣка, когда попадаетъ законодательное нововведеніе мужевластнаго типа, связывающее женщину «половою опекою», можно почти безошибочно прослѣдить заимствованное происхожденіе такихъ нормъ отъ германскихъ сосѣдей. Таковы, на примѣръ, ограниченія имущественныхъ правъ женщины въ Вислицкомъ статутѣ, обоснованныя на разсужденіи о *fragilitas sexus*, о хрупкости или въ старопольскомъ переводѣ «кревкосци» пола. Вы слышите, что разсужденія эти, сошедшія въ своей терминологіи съ извѣстнымъ восклицаніемъ о женщинахъ

Гамлета, даже первоначальное выраженіе-то себѣ нашли лишь въ латинскомъ языкѣ, юридическомъ волапюкѣ Западной Европы.

Отсутствіе половой опеки, прежде всего, подразумѣваетъ наличность половой свободы, свободы полового выбора. Дѣйствительно, доисторическая славянка, повидимому, пользовалась въ этомъ отношеніи свободою почти неограниченною; и даже пресловутое «умыканіе женъ» являлось результатомъ предварительнаго соглашенія умыкаемой съ умыкателемъ. Насильственное умыканіе указывалось строго. По чешскому земскому праву умыкнутой насильственно предоставлялось самой отрубить похитителю голову. Мазовецкіе и польскіе статуты, а также всѣ три литовскіе обрекаютъ похитителя на смерть или фактическую, или гражданскую (состояніе «безславія», *infamia*), если похищенная не спасетъ виновнаго согласіемъ выйти за него замульсь. На Руси – подобныя дѣла быстро подпали подъ руку церкви. Они подлежали епископскому суду и именовались «уволочскія»: аще кто уволочетъ дѣвку. Уволоченной дѣвкѣ Ярославовъ уставъ указы-

ваеть платить «за соромъ, а епископу – за судъ».

Русь никогда не любила смертной казни и, съ самыхъ раннихъ дней своихъ, предпочитала искать ей штрафныхъ, денежныхъ замѣнъ.

Козьма Пращскій, чешскій бытописатель, къ сожалѣнію часто уходившій отъ лѣтописи въ область историческаго романа, даетъ наивъ удивительную картину первобытной общности браковъ. «Не было преступленіемъ мужа брать жену другого, а женѣ выходить замужъ за другого. Что нынѣ считается цѣломудріемъ, тогда было великимъ безчестіемъ, если мужъ довольствовался одною женою, а жена – однимъ мужемъ». Въ указаніи этомъ имѣется въ виду не многоженство, которое вошло въ славянскій обиходъ сравнительно поздно и, вѣроятно, подъ восточными вліяніями, но необыкновенная легкость, съ какою возникалъ первобытный бракъ, чтобы такъ же легко разрываться. Козьма Пращскій говоритъ, въ очень поэтическихъ образахъ, даже о мужьяхъ и женахъ на одну ночь, расстававшихся навсегда съ наступленіемъ утра. Браки былинныхъ бога-

тырей кратковременны и непрочны, условны, легко расторгимы, хотя бы и при наличности церковнаго обряда. Каждая отлучка богатыря въ «поле» сопровождается своеобразнымъ договоромъ съ женою, сколько времени должна она мужа ждать, послѣ какого срока властна за другого замужъ пойти. А то, говоритъ Добрыня, «знаю я ваши норовы женскіе: мужъ за дровами въ лѣсъ поѣдетъ, а жена за другого замужъ пойдетъ». Широкое право развода по соглашенію ограничило въ славянствѣ только христіанство, да еще съ превеликимъ трудомъ. Въ 994 году противъ «недозволеннаго расторженія браковъ» гремитъ апостоль чеховъ, св. Войцѣхъ, но, очевидно, безъ всякаго успѣха, такъ какъ, сорокъ пять лѣтъ спустя, кн. Брячиславъ, надъ гробомъ св. Войцѣха, вынужденъ объявить вѣчное изгнаніе тѣмъ виновнымъ, «если мужъ оставитъ жену или жена мужа». Врядъ ли, однако, законъ такого рода могъ быстро противодѣйствовать вкоренившемуся обычаю, — чехи и моравы были сосѣди полякамъ, а у послѣднихъ, въ то же самое время, самъ законодатель, знаменитый Болеславъ, три

раза разводился съ женами, не спрашивая разрѣшенія у церкви. У поляковъ обычай свободнаго развода держался настолькоъ долго, что впослѣдствіи съ выборныхъ королей бралось даже обязательство – не разводится съ женою иначе, какъ въ церковномъ порядкѣ. Послѣдній примѣръ подобнаго обязательства мы имѣемъ отъ столь поздней эпохи, какъ XVI вѣкъ: его долженъ былъ дать панамъ-избирателямъ Генрихъ Французскій, Валуа. Нѣкоторые законодательные памятники средневѣковья германскаго прямо называютъ разводъ венедскимъ, т. е. славянскимъ обычаемъ. На Руси церковь, съ первыхъ же дней своихъ, объявила войну добровольному разводу тѣмъ, «иже свое подружіе оставляютъ и поимаютъ инѣхъ, также и жены». Однако, обычай боролся съ закономъ необыкновенно стойко и живуче. Двусторонній разводъ, по соглашенію мужа и жены, даже въ Россіи держался исподволь до XVIII вѣка: лишь въ 1769 году былъ изданъ указъ, рѣшительно уничтожившій такъ называемыя «разводныя письма». У славянъ, сохранившихъ остатки старинныхъ нравовъ, напр. черногорцевъ,

гражданскій разводъ существуетъ и въ наши дни. Обрядъ его приблизительно тотъ же, что описывали старинные путешественники для Малороссіи XVII вѣка. Символомъ расторгаемаго брака является ткань, – поясъ или кусокъ полотна – которую супруги тянутъ въ разные стороны, покуда она не лопнетъ. Послѣ этого и браку конецъ, и жена возвращается въ свой дѣвичій домъ, вмѣстѣ съ приданымъ. Если она была замужемъ болѣе десяти лѣтъ, то мужъ обязанъ платить ей пожизненную пенсію, въ размѣрѣ, опредѣляемомъ міровою сходкою. Славянскій институтъ любовнаго развода былъ настолько народень, что – мы увидимъ впослѣдствіи – онъ приспособилъ къ своимъ потребностямъ даже и воинствующую противъ него церковь. Удѣльный періодъ подготовилъ и выработалъ ту оригинальную форму развода черезъ постриженіе въ монашество, злоупотребленіе которою современные путешественники изъ Европы отмѣчали единогласно, какъ одну изъ самыхъ характерныхъ особенностей московской Руси.

Итакъ, славянская женщина, порабощаясь,

узнавала постепенно опеку мужа, опеку рода, но половой опеки – опеки только за то, что она женщина, а не мужчина, столь свойственной гератанскому праву, она не узнала. Вамъ, конечно, извѣстно, что родовой бытъ классифицируется двумя преемственными подраздѣленіями, въ зависимости отъ того – господствуетъ ли въ немъ начало материнское или отцовское, ведутъ ли свое родословіе потомки колѣнами, исходящими отъ праматери, или исходящими отъ праотца. Въ первомъ случаѣ, родъ называется когнатическимъ, утробнымъ; во второмъ случаѣ – агнатическимъ. Родовая опека надъ славянскою женщиною – уже агнатическая, но сохранила въ себѣ очень много чертъ когнатизма, говорящихъ о томъ, что древнія преданія матриархата, женовластительства были, въ эпоху правовой формировки, если даже изжиты уже, то не забыты народомъ. Въ особенности сказывается это обстоятельство въ оригинальномъ институтѣ «материнской власти», *materna potestas*, бытовая наличность котораго выдѣляетъ славянскія права изъ всѣхъ другихъ въ средневѣковѣ. И съ та-

кою яркостью, что нѣкоторые историки права даже отрицали существованіе въ славянскомъ обычномъ правѣ спеціальной отцовской власти (*imndium, patria potestas*), столь характерной для древнихъ уложеній Западной Европы, и предполагали, вмѣсто нея, вѣроятность смѣшанной родительской власти. Это – преувеличеніе. При жизни обоихъ родителей, материнская власть была силою скорѣе моральнаго вліянія на дѣтей, чѣмъ правового воздѣйствія. Обычай признавалъ за матерью преимущество воспитательной роли и требовалъ ея участія, если не рѣшающаго, то вѣско-совѣщательнаго въ вопросѣ о бракѣ потомства. Но со смертію мужа, славянская «матерая вдова» оставалась существомъ не только лично свободнымъ, но и властнымъ надъ семьєю своею, хотя бы въ ней были и возрастныя дѣти. Лишь съ XV вѣка начинаются мужскія ограниченія опекунства вдовы-матери. Ранѣе – оно простирается не только на семейственныя и имущественныя отношенія, но даже и на политику и администрацію первобытныхъ славянскихъ племень-государствъ. Такими власт-

ными матерями-опекуншами были на Руси Ольга, у чеховъ Драгомира, мать Вячеслава, у поляковъ Елена, мать Лешка, и Рикса, мать Казимира. Въ частной жизни – любопытенъ примѣръ матери знаменитаго аскета Θεодосія Печерскаго: жестокія истязанія, которыя претерпѣваль этотъ восторженный юноша отъ своей родительницы за пристрастіе къ монашеству, свидѣтельствуя о полнотѣ правъ материнскаго распорядительства свободою и благополучіемъ потомства. Опека матери и вдовы прекращалась только вторичнымъ выходомъ замужъ, т. е. переходомъ ея въ другой родъ и отчужденіемъ отъ рода своихъ дѣтей, черезъ самоотдачу подъ новую родовую опеку. Любопытно, что въ былинахъ матери богатырей – почти всѣ вдовы и неизмѣнно всѣ держатъ могучихъ сыновей своихъ въ ребяческомъ повиновеніи. Даже пресловутый Васька Буслаевъ, буйный типъ новгородской вольницы, что «не вѣровалъ ни въ сонъ, ни въ чохъ, только вѣровалъ въ свой червленый вязъ», трепещетъ передъ волею матери, какъ мальчишка, котораго сажаятъ въ карцеръ на хлѣбъ и воду. Тѣмъ же огром-

нымъ уваженіемъ къ матери-вдовѣ, какъ бы-
лины, дышатъ завѣщанія удѣльныхъ князей.
Мы видимъ мат-вдову то имущественною
опекуншею своихъ дѣтей, то ихъ
нераздѣльною совладѣлицею – чаще всего съ
младшими дѣтьми, послѣ выдѣла старшихъ,
то безапелляціонною распорядительницею
наслѣдственныхъ выдѣловъ, и это, опять-та-
ки, включительно до отношеній государ-
ственныхъ. Даже на закатѣ удѣльной Руси и
на зарѣ московскаго самовластія, Іоаннъ Ка-
лита и Дмитрій Донской оставляютъ вдовамъ
своимъ полномочія блюсти удѣлы дѣтей. «Ес-
ли одинъ изъ сыновей умретъ, то удѣль его
мать дѣлитъ между остальными сыновьями;
если по смерти отца родится сынъ, мать
должна подѣлить его, взявши части отъ
удѣловъ старшихъ его братьевъ; наконецъ,
если у одного изъ сыновей, по какимъ-нибудь
причинамъ, убудутъ вотчины, мать придаетъ
ему отъ удѣловъ остальныхъ его братьевъ»
(Шпилевскій).

Всякая имущественная опека основывает-
ся на презумпціи общественной правоспособ-
ности лица, которому она ввѣряется, и воз-

возможности для этого лица представлять предъ судомъ. Конечно, и эти основныя права, обезпечивавшія древнюю женскую свободу, мы застаемъ уже въ значительномъ разрушеніи попытками государства и церкви навязать женщинамъ половую опеку. Тѣмъ не менѣе, — въ рѣзкій контрастъ съ памятниками германскими, — славянскіе, повсемѣстно и дружно, признають за женщиною процессуальную правоспособность, даже и въ замужествѣ. Особенно любопытно выражено это въ «уставѣ чешскаго земскаго права». Онъ даетъ женщинамъ широкія процессуальныя полномочія по дѣламъ уголовнымъ и о кровной мести, а также о недвижимой собственности, наследственномъ имуществѣ, по искамъ за приданое. Въ дѣлахъ, требующихъ разрѣшенія судебнымъ поединкомъ, таковой предоставляется вдовамъ и дѣвицамъ, но замужняя женщина должна была довольствоваться очистительною присягою отвѣтчика «самъ седьмъ», т. е. съ шестью поручителями. Возможности мужу представлять за жену предъ судомъ чехи не только не допускали, но даже воспрещали мужу быть въ про-

цессъ жены свидѣтелемъ за или противъ нея. У другихъ славянскихъ народовъ судебное представительство мужа за жену регламентируется не ранѣе XIV и даже XV вѣка. Въ древнемъ русскомъ правѣ о возможности такого представительства упоминаетъ всегда лишь одинъ памятникъ – Новгородская судная грамота, да и то въ условіяхъ, которыя скорѣе говорятъ о привилегіи женщины имѣть въ мужѣ особаго защитника сверхъ ея собственнаго, личнаго представительства.

Нечего и говорить о томъ, что лицо, вооруженное правами распоряжаться имущественными отношеніями третьихъ свободнорожденныхъ лицъ, хотя бы и собственныхъ дѣтей, должно быть само широко одарено имущественными правами и средствами къ ихъ защитѣ. Такъ какъ невозможно отрицать наличности у славянъ отцовской власти, равнымъ образомъ мужней и родовой опеки, то, на первый взглядъ, кажется страннымъ, какъ ухитрялась совмѣщаться женская свобода со всѣми этими опеками. Но, изучая характеръ послѣднихъ, нельзя не придти къ заключенію, что, во множествѣ личныхъ и

имущественныхъ отношеній, онѣ оказывались бытовыми взаимоограниченіями, въ пользу опекаемой, въ защиту ея свободной воли отъ самовластиа и произвола опекуновъ. Возьмемъ хотя бы вопросъ о вступленіи въ бракъ. Вдовій выборъ второго мужа былъ свободенъ во всемъ славянствѣ до XVI вѣка, когда Краковскій статутъ (1532) нарушилъ это единство закономъ о конфискаціи вдовьяго имущества, буде вдова дастъ согласіе на ея похищеніе. Браки дѣвушекъ стояли въ зависимости отъ власти отцовской, которая усилялась изъ года въ годъ и отъ вѣка къ вѣку по мѣрѣ того, какъ слабѣла и вырождалась опека родовая. Но въ древности бракъ дѣвушки, отпущкъ ея въ чужой родъ, былъ дѣломъ всего рода, и дѣвушка, приневоленная къ непріятному для нея союзу, могла апеллировать къ союзу родственниковъ, какъ по отцу, такъ и по матери, какъ въ агнатическомъ порядкѣ, такъ и въ когнатическомъ. Русскія свадебныя пѣсни полны воспоминаніями этихъ временъ, а иногда – жалобами невѣсты на несправедливость или бездѣтельность родственнаго совѣта, который лишь «притак-

нуль» крутой воля батюшки съ матушкою. И, наоборотъ, родственныи совѣтъ могъ побуждать родителей къ выдачѣ дочери замужъ, хотя бы они тому и противились. Особенно это правило касалось родителей овдовѣдыхъ. По литовскому статуту, по законамъ далматинскаго побережья, — если вдовый отецъ или вдовая мать перечать совершеннолѣтней дѣвушкѣ въ ея намѣреніи выйти замужъ, она можетъ вступить въ бракъ съ согласія родственникововъ. Если мы при этомъ обратимъ вниманіе, что, чѣмъ древнѣе памятникъ права, тѣмъ раньше обозначаетъ онъ срокъ женскаго совершеннолѣтія, то узда на родительскій произволь получалась изрядная. Вѣдь встрѣчаются сроки совершеннолѣтія въ 12 и въ 10 лѣтъ. А самая сѣдая древность даже и не опредѣляла сроковъ цифрами, довольствуясь физическими признаками зрѣлости, въ родѣ чешской рекомендаціи — считать дѣвушку совершеннолѣтнею, если у нея начали развиваться груди. Совершеннолѣтіе дѣвушки, несомнѣнно, парализовало нѣсколько родительскую волю, и, быть можетъ, стремленіе

обойти обычай родственнаго вмѣшательства въ защиту дочери надо считать въ числѣ причинъ, объясняющихъ возмутительно ранніе браки въ кievской, галицкой и владимірской Руси. Напримѣръ, великій князь Всеволодъ III выдалъ дочь свою за Ростислава Рюриковича, въ Бѣлгородѣ, восьми лѣтъ, хотя очень плакалъ при этомъ, потому что; прибавляетъ лѣтописецъ, была она ему «мила и молода». Наконецъ, въ самой глухой полуисторической древности, опека рода надъ брачнымъ выборомъ дѣвушки имѣетъ характеръ не запрещенія или побужденія ея воли, но защиты ея всѣмъ родственнымъ союзомъ отъ насильственнаго брака. Въ свободныхъ обрядахъ славянскихъ народовъ до сихъ поръ остались слѣды тѣхъ воинственныхъ сценъ, которыми родъ отвѣчалъ на попытки «умыкателей» заключать браки чрезъ похищеніе, разбойничьимъ набѣгомъ. При той легкости, съ какою заключался и разрывался славянскій бракъ не только до христіанства, но и долгія десятилѣтія, если не столѣтія, послѣ него, отказъ сватаемой невѣсты жениху былъ, повидимому, тяжкимъ оскорбленіемъ

и отомщался жестоко. Однако, романическая легенда о Рогнѣдѣ или историческій примѣръ Предславы, сестры Ярослава Мудраго, наглядно показываютъ, что священную волю дѣвушки распорядиться своимъ замужествомъ родъ ставилъ выше риска пострадать даже отъ такихъ могучихъ противниковъ, какъ Владимиръ Кіевскій или Болеславъ Польскій.

Упомянутое сейчасъ имя Владимира Кіевского невольно приводитъ насъ къ мыслямъ о многоженствѣ, которымъ такъ прославился этотъ князь — до принятія христіанства. Лѣтописная, мало правдоподобная, легенда приписываетъ ему шесть женъ и восемьсотъ наложницъ. Дѣло, конечно, не въ томъ, какъ удивляется кто-то въ сатиру Щедрина, «на кой чортъ понадобилась ему такая уйма бабъ?» а въ томъ, что эту уйму совершенно немыслимо было прокормить съ той лапотной маленькой Руси, населенной по одной душѣ на пять квадратныхъ верстъ, которою правилъ Владимиръ. Вопросъ о многоженствѣ у славянъ очень спорный. Трудно отрицать, что оно было въ обычаѣ, когда христіанство проникло въ славянскія дебри,

но, повидимому, оно никогда не господствовало въ народѣ – оставалось лишь терпимою роскошью привилегированныхъ классовъ, перенятою отъ тюркскихъ кочевниковъ и, значитъ, пришедшею на Русь поздно. Владимиръ – единственный русскій князь, котораго легенды окружаютъ какимъ-то волшебнымъ восточнымъ гаремомъ. О предкахъ его легенда не передаетъ ничего подобнаго. Свидѣтельства арабскаго путешественника, знаменитаго Ибнъ-Фоцлана о славянскомъ многоженствѣ, очень выразительны, но больше указываютъ на широкое развитіе наложничества, чѣмъ на многократный и одновременный бракъ, что, въ средніе вѣка, повсемѣстно весьма различалось, а въ славянствѣ – классифицировалось съ особенною подробностью категорій. Мы не можемъ сейчасъ остановиться подробно на вопросѣ о славянскомъ многоженствѣ, такъ какъ я буду вынужденъ еще вернуться къ нему въ слѣдующемъ чтеніи, говоря о тѣхъ византійскихъ и монгольскихъ вліяніяхъ, которыми создавалась московская, до Петра Великаго, семья. Сейчасъ же достаточно будетъ

кратко повторить старый выводъ извѣстнаго слависта Макушева: «У славянъ преобладала моногамія, хотя было дозволено и многоженство; въ послѣднемъ случаѣ, однако, число женъ было ограничено». Необходимо прибавить, что, наряду съ терпимымъ многоженствомъ, новѣйшею полигаміей, не вымерли еще преданія стариннаго многомужія, родовой полиандріи. Объ этомъ – наилучшій показатель упомянутый уже Ибнъ-Фоцланъ, описавшій похороны русса, умершаго холостымъ, и его загробное вѣнчаніе съ дѣвушкою, обреченною ему въ жены. Не входя въ подробности этого наивнаго обряда, нѣсколько щекотливья для современнаго уха, отмѣчу лишь, что супружескія права мертвеца на загробную супругу были реализованы представительствомъ шести его родичей: «самъ седьмъ».

Выше я говорилъ о непрочности и кратковременности легко расторгимыхъ былинныхъ браковъ. Но, при этомъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что былина, пѣсня, сказка – это, все-таки, своего рода, беллетристика, занимающая слушателя интереснымъ случае-

мъ общественной жизни. Поэтому – въ тѣхъ же самыхъ былинахъ мы встрѣчаемся, какъ съ крайностями женскаго легкомыслія въ брачныхъ перемѣнахъ, такъ и, наоборотъ, съ крайностями вѣрности, – включительно, на примѣръ, до требованія, чтобы овдовѣвшій мужъ погребалъ себя вмѣстѣ съ покойной женою (Потокъ-богатырь), до самоубійствъ жены надъ прахомъ мужа (Василиса Микулишна) и мужа надъ трупомъ жены (Дунай-богатырь). Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ этихъ трагедіяхъ чувствуются отголоски ритуальныхъ самоубійствъ арійской, подъ-Гималайской древности. Но гораздо чаще звучитъ чисто-психологическій, настояще любовный, можно бы сказать даже: идеалистическій мотивъ – одной души въ двухъ тѣлахъ. Какъ всякій бракъ, возникающій по свободному выбору, поддерживаемый равенствомъ супруговъ и имѣющій возможность быть расторгнутымъ по обоюдному ихъ согласію, славянскій первобытный бракъ былъ напитанъ дружествомъ, незнакомымъ для послѣдующихъ поколѣній церковно-государственныхъ. Они

обратили бракъ въ орудіе и форму женскаго порабощенія и обратили мужа и жену въ двухъ принципіальныхъ враговъ, между которыми согласіе – не болѣе, какъ счастливо дѣющееся перемиріе. Я уже имѣлъ случай отмѣтить отвращеніе славянства къ повторности брака, – подразумѣваю: безъ согласія на то мужа и жены. Вживѣ, супруги легко сходились и расходились, но, если одинъ изъ нихъ умиралъ въ бракѣ, то смерть не разрывала брака. Мы видѣли, какимъ уваженіемъ пользовалось въ славянствѣ вдовство. Наоборотъ, вдовець или вдова, вступающіе въ новые браки, подвергались не только умаленію личнаго достоинства, но и ограниченіямъ личныхъ и имущественныхъ вліяній своихъ по первому браку.

Итакъ, изъ картины, бѣгло набросанной мною передъ вами, вы легко усмотрите, что первобытное состояніе славянской женщины отличалось такимъ количествомъ свободъ и преимуществъ, что съ трудомъ вѣрится процессу послѣдующей соціальной эволюціи, которая отвела женщину отъ лѣсной воли и степного равенства въ вырубленный изъ это-

го лѣса и поставленный среди этой степи теремъ. Въ слѣдующихъ чтеніяхъ я буду имѣть честь рассказать вамъ постепенныя ступени этой эволюціи, руководимой заимствованными со стороны, изъ-за моря и изъ-за горъ, началами церковности и государственности. Мы послѣдовательно рассмотримъ исторію паденія тѣхъ правовыхъ институтовъ, которые грубо и инстинктивно опредѣляли собою свободу первобытной женщины, но, въ формахъ тонко выработанныхъ и логически развитыхъ принциповъ, должны опредѣлить и свободу женщины будущей – свободу близкую, наступающую, уже озаренную привѣтнымъ, краснымъ свѣтомъ соціалистическаго утра. Мы рассмотримъ, какъ искоренился на Руси свободный бракъ и выросла половая опека съ нерасторжимымъ церковнымъ бракомъ, какъ ограничивалжсь имущественныя права женщины и ея почетное значеніе въ родѣ, какъ закрылись для нея судъ и привилегіи культа, какъ въ рукахъ ея оказались ключи безсильные предъ мужнинымъ мечомъ и плеткою, – словомъ, рассмотримъ семисотлѣтнее торжество агнатическа-

го рода надъ когнатическимъ и переработку
перваго въ мужевластное государство.

Устои мужевластнаго государства,
почитавшіеся незыблемыми сотни лѣтъ, за-
колебались лишь въ XIX вѣкѣ, когда машин-
ныя производства и ростъ рабочаго класса
быстро вызвали банкротство старой европей-
ской семьи, покоившей на трудѣ и заработкѣ
мужа хозяйственное и постельное содержан-
ство жены, искусственно выработанное поло-
вою опекою. Въ теченіе XIX вѣка, нарастала
для русской женщины та потребность и необ-
ходимость возвратить себѣ роль и значеніе
«супротивницы» мужа-добычника, которою, –
какъ мы сейчасъ видѣли, – характеризовался
первобытный славянскій бракъ. Женскій
вопросъ назрѣлъ къ разрѣшенію въ госу-
дарствѣ, назрѣвшемъ къ разрушенію, въ госу-
дарствѣ, которое было построено на семей-
номъ обездоленіи женской половины
человѣчества и объявило торжественно, что
баба – не человѣкъ. Мы видимъ, однако, что
женскій вопросъ, при всей своей многотра-
дальности, оказался прочнѣе и живучѣе госу-
дарства и смотритъ въ его умирающіе глаза

съ такую же побѣдную и властною силою, какъ смотрѣлъ въ глаза его дѣтства. Эгоистическія лжи искусственнаго мужевластнаго права отпадаютъ, просыпается природная мораль и правда – правда основного равенства половъ. Имъ предстоитъ воскресить – въ формахъ правовой сознательности, въ детальномъ, логическомъ и крѣпко защищенномъ социальномъ распредѣленіи, – ту свободу, которую смутнымъ хаосомъ, наивно и по-дѣтски намѣчалъ для жевщины первобытный естественный коммунизмъ. Свободу брака, свободу воли, свободу труда, свободу имущественнаго распоряженія, свободу общественной дѣятельности, свободу политическаго представительства.

1906 г. 17/12. Парижъ.